

ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

UN LIBRARY

NOV - 7 1979

UN/DA COLLECTION

Distr.
GENERAL

A/C.3/34/6
1 November 1979
RUSSIAN
ORIGINAL: SPANISH

Тридцать четвертая сессия
ТРЕТИЙ КОМИТЕТ
Пункт 84 повестки дня

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАКТЫ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Письмо Постоянного представителя Панамы при Организации
Объединенных Наций от 1 ноября 1979 года на имя
Генерального секретаря

По указанию моего правительства имею честь просить Вас,
г-н Генеральный секретарь, распространить прилагаемое письмо граж-
данки Уругвая Морианы Эрнандес де Баззано от 20 октября 1979 года,
отправленное из Мехико на ваше имя, в качестве документа Генераль-
ной Ассамблеи, по пункту 84 повестки дня и в связи с докумен-
том A/C.3/34/3.

Хорхе Е. ИЛЬЮЭКА
Посол
Постоянный представитель

Приложение

Письмо Морианы Эрнандес де Баззано от 20 октября
1979 года на имя Генерального секретаря

Постоянному представительству Уругвая при Организации Объединенных Наций удалось распространить документ (A/C.3/34/3), в котором говорится о решении Комитета по правам человека в отношении сообщения, представленного мною этому Комитету; это решение содержится в докладе Комитета (A/34/40, приложение VII).

Объяснительная записка правительства Уругвая неуместна и недопустима, поскольку Ассамблея не должна пересматривать решения Комитета по правам человека, однако, так как речь идет о попытке опровергнуть сущность этого решения, то, как мне кажется, будет справедливо, если я со своей стороны отмечу тот обман и ложь, к которым прибегает правительство моей страны в своей записке.

1. Утверждение о "спешке" Комитета. Уругвайское правительство жалуется, что Комитет не предоставил ему "разумного периода времени для ответа".

Мое сообщение было отправлено 15 февраля 1977 года. Когда его препроводили правительству Уругвая, оно выдвинуло формальные возражения. Комитет их рассмотрел и 1 февраля 1978 года заявил, что это дело формально является приемлемым. Тогда же он принял решение о том, что уругвайское правительство должно представить информацию по существу этого сообщения в 6-месячный срок, предусматриваемый в Факультативном протоколе. Когда в октябре 1978 года Комитет проводил свою пятую сессию, этот срок уже прошел, но, несмотря на это, Комитет тогда не принял какого-либо решения. На своем 6-м заседании в апреле 1979 года Комитет рассмотрел ноту уругвайского правительства, в которой абсолютно ничего не говорится о существовании сообщения и только снова повторяются формальные возражения в отношении приемлемости. Несмотря на мою настоятельную просьбу о том, чтобы Комитет наконец принял какое-либо определенное решение, он тогда этого не сделал: наоборот, он предоставил правительству отсрочку еще на 6 месяцев. И наконец, на 7-м заседании, когда уже давно истекла и эта отсрочка, а ответ все еще не был получен, Комитет вынес определенное решение. Таким образом, прошло 17 месяцев - вместо шести, - а правительство не представило никакой информации.

2. Позиция уругвайского правительства в Комитете. Утверждается, что "Уругвай неоднократно выражал стремление к сотрудничеству".

Я уже указывала, каким образом в действительности проявляется это "стремление к сотрудничеству": просьба о предоставлении информации в отношении положения жертв, которая была принята Комитетом, так и не была удовлетворена в течение 20 месяцев. Нота, которая только что была распространена, является первым документом, в котором что-то говорится по этому поводу.

3. Передача дела на рассмотрение Межамериканской комиссии по правам человека. Утверждается, что это дело было передано указанному органу. Оно было передано ему задолго до подачи моего сообщения в Комитет, причем оно было снято теми, кто его подал. Когда Комитет заявил о приемлемости дела, он учитывал это обстоятельство.

Примечательно, что, когда дело находилось на рассмотрение Межамериканской комиссии, правительство Уругвая не дало какого-либо ответа на просьбу о предоставлении информации, направленного ему этим органом в марте 1976 года.

4. Какое же преступление совершили жертвы? Правительство моей страны так и не указало, какие преступления совершили арестованные. Важно подчеркнуть, что и до сих пор оно этого не сделало. Оно просто перечисляет названия преступлений в соответствии с Военным уголовным кодексом; однако нигде не указывается, какие деяния вменяются в вину жертвам. Вряд ли в этом плане является удовлетворительным заявление о том, что военные судьи дали определение этих преступлений, поскольку Комитет недвусмысленно заявил, что примененная процедура явно не обеспечивала минимальных необходимых гарантий. О докторе Массера говорится, что военный судья "осудил его по обвинению в совершении преступления, предусматриваемого в статье 60 (V) Военного уголовного кодекса, а именно "подрывная деятельность". Кроме того, впоследствии, после выявления новых доказательств, он был также осужден за преступления, предусматриваемые под пунктом 6 статьи 6 (1) в связи со статьей 60 (XII) Военного уголовного кодекса, а именно "посягательство на Конституцию в виде заговора с последующей подготовительной деятельностью", совершенное в качестве "совокупного преступления, не связанного с рецидивизмом" ... и пунктами 2 и 3 статьи 58 Военного уголовного кодекса, а именно "посягательство на моральное состояние вооруженных сил". Можно ли ожидать, что Комитет по правам человека сочтет удовлетворительным и убедительным этот перечень названий военных преступлений? Почему не говорится, какие действия подтверждают те "новые доказательства", согласно которым мой отчим, инженер-математик и бывший член парламента, совершил "посягательство на моральное состояние вооруженных сил"?

Так как здесь речь не идет о том, чтобы установить, имел ли место факт ущемления прав человека — этим должен заниматься Комитет, а я уже высказала свое мнение по этому поводу, — важно понять

отношение правительства к указаниям на факты ущемления прав человека. В этой связи я не могу не отметить, что жертва и ее положение вызвали энергичный и единодушный отклик во всем мире. Д-р Массера как математик пользуется большим авторитетом, и его страдания вызвали движение солидарности и протеста на всех континентах, и я уверена, что Генеральная Ассамблея уже знает об этом. И я упоминаю это не потому, что заслуги этой жертвы делают применение пыток по отношению к ней более недопустимым, чем по отношению к другим арестованным, а потому, что безразличие уругвайского правительства к потрясенным чувствам бесчисленного количества людей и организаций свидетельствуют о непробиваемом упрямстве этого режима.

5. Медицинское заключение о состоянии здоровья д-ра Массера. Это заключение является первой и единственной реакцией правительства Уругвая на требование Комитета по правам человека, направленное в связи с моим прошением, о предоставлении информации о состоянии здоровья моего отца. Эта просьба была направлена 17 месяцев назад.

Я не могу высказывать мнение о точности этого заключения или о его достоверности. Нужно только отметить, что в нем не указывается дата. Однако в нем подтверждается присутствие той же травмы, о которой я уже давно сообщила Комитету: речь идет о переломе бедра, который оставил неизгладимый след на здоровье моего отца.

6. Заявление, приписываемое д-ру Массера. Трудно понять, что стоит за этим "актом", который был представлен. Не указывается, где, в чьем присутствии, при каких обстоятельствах и в какой местности было сделано это заявление. И это понятно, поскольку указанная дата - январь 1977 года - приходится на период, когда мой отец находился в античеловеческих и унижающих достоинство условиях, которые я во всех подробностях изложила Комитету в моем сообщении; однако на мое сообщение так и не поступил ответ.

Даже если д-р Массера и подписал действительно этот акт - чего я не допускаю, - то он с правовой точки зрения является недействительным: согласно уругвайскому законодательству необходимо присутствие защитника и судьи; из самого акта следует, что он не был составлен в таких условиях.

Кроме того, все это до смешного неправдоподобно. Как мой отец может утверждать, что он "полностью выздоровел", если в том же медицинском заключении говорится, что у него "ограничены движения правого бедра"? Можно ли представить себе, что на простой вопрос: "За что вы были арестованы?" - д-р Массера приведет столько подробностей, что они, несомненно, только помогут тюремщикам считать его

"виновным"? Достаточно лишь вспомнить последний абзац, в котором утверждается, что "заявление было сделано без какого-либо физического или психологического давления". Такая формулировка типична для стереотипного завершения дел, причем это (пытки или правильное обращение) находит также подтверждение в формулировках бюрократического ритуала ("Зачитано ... я подтверждаю его содержание ... подписываю оригинал и пять копий ..."). Все это говорит о том, что этот документ, отнюдь не являясь выражением воли заявителя (ни один человек так не говорит!) - является сфабрикованным текстом, а подпись под ним, даже если она и существует, может объясняться лишь принуждением.

Наряду с этим можно задать вопрос: где находится этот документ? Почему он приводится, а не представляется? Почему он направлен Ассамблее, а не Комитету по правам человека? Какую ценность имеет документ, который не был представлен вовремя, представлен вне всякой связи, причем приписывает заявителю неправдоподобное поведение, не отражающее ни его хода мыслей, ни его стиля, а с правовой точки зрения является недействительным согласно уругвайскому законодательству, даже если бы он и был подлинным?

Прошу через ваше посредство Генеральную Ассамблею, чья роль и ответственность в области прав человека с такой очевидностью вытекают из Устава Организации Объединенных Наций, принять более эффективные меры и заявить от имени международного сообщества решительное требование уважать это решение Комитета по правам человека. В противном случае придется мириться с тем, что правительство моей страны будет игнорировать решения органа, который в настоящее время является самым действенным и совершенным из всех органов, созданных Организацией, которому сама Ассамблея выражала благодарность за тактичность и выдержку и который принимал недвусмысленные, четко разработанные и непродвигаемые решения.

Ввиду того, что государству-нарушителю удалось распространить в качестве официального документа ту записку, против которой я выступаю, мне кажется, что Ассамблея должна принять к сведению это замечание, сделанное от имени жертв. Поэтому я надеюсь, что эта нота будет распространена таким же образом.

Мориана Эрнандес де Баззано
Авеню "Участников южного восстания"
Жилой комплекс "Мигель Идальго"
(Олимпийская деревня) дом 25 кв.01
Мехико 22, Ф.О.
